

Из академической жизни: Магистерский диспут и. д. доцента Академии иеромонаха Иосифа [(Петровых): (История иудейского народа по Археологии Иосифа Флавия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903)] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 10. С. 305–330 (2-я пагин).

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Магистерскій диспутъ и. д. доцента Академіи Іеромонаха Іосифа.

6 Іюня сего 1903 года, въ актовомъ залѣ Академіи въ присутствіи Совѣта Академіи и пр. членовъ Академической корпораціи и студентовъ, состоялся магистерскій диспутъ и. д. доцента Академіи Іеромонаха Іосифа.

Диспутантъ защищалъ свой трудъ „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія“. Диспутъ открылся чтеніемъ слѣдующаго „curriculum vitae“ диспутанта.

„И. д. доцента Академіи іеромонахъ о. Іосифъ (въ мірѣ Иванъ Семеновичъ Петровыхъ)—по происхожденію изъ мѣщанъ г. Устюжны Новгородской губерніи; среднее богословское образованіе онъ получилъ въ Новгородской Духовной Семинаріи, высшее—въ Московской Духовной Академіи, гдѣ въ 1899-мъ году и окончилъ курсъ первымъ магистрантомъ. Въ теченіи 1899—1900 уч. года И. С. состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ Академіи, подготавливаясь къ намѣченной для него вакантной каедрѣ Библейской исторіи, и 9 сентября 1900 г., по прочтеніи въ собраніи Совѣта двухъ пробныхъ лекцій, утвержденъ исправляющимъ должность доцента Академіи по означенной каедрѣ.—26 августа 1901 г. онъ, согласно выраженному имъ желанію, постриженъ былъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи въ монашество съ нареченіемъ имени *Іосифъ*; 30 сентября того же года рукоположенъ во іеродиакона, а 14-го октября—во іеромонаха.

Подлежащая защитѣ диссертация носитъ заглавіе: „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Іосифа Флавія (Опытъ кри-

тического разбора и обработки)“. — Кромѣ нея о. Иосифомъ напечатаны статьи:

а) въ Б. В.-кѣ: Самуиль и Саулъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

б) въ журналѣ „Нива“: Св. Гора Моріа (историческій очеркъ), и нѣсколько др. статей въ разныхъ журналахъ“.

Послѣ этого диспутантъ произнесъ обычную, напечатанную выше рѣчь, въ которой изложилъ трудность пользанія І. Флавіемъ для научныхъ цѣлей, по недостатку полнаго критическаго обслѣдованія его трудовъ, и въ виду особеннаго характера самыхъ этихъ трудовъ, допускавшихъ—до рѣзкихъ противоположностей—различное ихъ пониманіе и оцѣнку.

По окончаніи рѣчи открылись пренія, при чемъ первымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ Самъ Преосвященный Ректоръ Академіи, Епископъ Арсеній.

Свои возраженія Преосвященный предварилъ привѣтствіемъ новому ученому труду диспутанта, высказавъ пожеланіе, чтобы счастливое совпаденіе имени диспутанта съ именемъ автора „Археологіи“ было выдержано небезполезнымъ для науки продолженіемъ изученія трудовъ Флавія и появленіемъ результатовъ этого изученія въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

Преосвященный Ректоръ указалъ затѣмъ на значеніе для библейской науки изслѣдованія диспутанта, особенно при отсутствіи систематическихъ трудовъ о Флавіѣ какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ.... „Отнынѣ, сказалъ Преосвященный, Ваше библейское имя будетъ связано въ научномъ мірѣ съ Иосифомъ Флавіемъ, изслѣдованію о которомъ посвященъ настоящій Вашъ трудъ“.

Послѣ этого возраженія шли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Преосвященный Ректоръ. „Я не согласенъ со взглядомъ Вашимъ, возл. о. Иосифъ, относительно характеристики нравственной личности Флавія и значенія его трудовъ, находя этотъ взглядъ одностороннимъ. Вы принадлежите къ числу тѣхъ ученыхъ, которые въ обоихъ отношеніяхъ низко ставятъ Флавія. Между тѣмъ ученость Флавія несомнѣнна. Она видна не только изъ основательнаго знакомства его съ Библіею и съ такъ называемою раввинистическою литературою, но и съ свѣтскою историческою литературою того

времени, что отмѣчаете въ своемъ изслѣдованіи и Вы. Что касается тенденціознаго отношенія Флавія къ данному матеріалу съ цѣлью возвысить іудейскій народъ въ глазахъ греко-римскаго образованнаго міра, то Вы слишкомъ преувеличиваете его, обвиняя Флавія, что „у него слишкомъ мало мудрости“, что онъ „даетъ намъ фальсификацію идеальной исторіи“, и т. п. Это обвиненіе Вы стараетесь оправдать характеристикой низкой нравственной личности Флавія, который изъ-за „шкурнаго разсчета“ (неудачное Ваше выраженіе) допускалъ ложь и ради мелочнаго тщеславія пользовался „специфически-характерными приемами плутовато-изворотливаго жидка“. Такое обвиненіе Флавія слишкомъ смѣло, а Вашу упрекъ Флавію въ тенденціозности можетъ быть скорѣе отнесенъ къ Вамъ. Копаться въ душѣ Флавія—ненаучное дѣло, ибо „кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ“... Напротивъ, патріотизмъ Флавія заслуживаетъ всякой похвалы, въ особенности если принять во вниманіе тяжкія обстоятельства умиравшаго политическою жизнью іудейскаго народа, для спасенія котораго онъ употреблялъ всѣ средства, быть можетъ иногда и недозволительныя, но могущія найти и свое оправданіе. Во всякомъ случаѣ Вы совершенно неправы, называя такого, можно сказать, великаго человѣка „плутовато-изворотливымъ жидкомъ“. Если Вы не могли обойтись безъ этого „національнаго“ термина, то назвали бы его напр. „жидовиномъ“, какъ Флавій и называется въ нашей древней письменности. Такому „жидку“ иначе и не слѣдовало бы посвящать громаднаго труда своего“....

От. Іосифъ. „Ваше Пр-о! Что касается причисленія Вами меня къ числу тѣхъ ученыхъ, которые низко ставятъ Флавія, то я не могу принять этого упрека. Я не менѣ Васъ, думается, уважаю Іосифа за его безспорно полезныя труды и вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, воздаю ему должное. Безъ уваженія къ Флавію не могло бы явиться и моего труда о немъ. Если же я касаюсь недостатковъ нравственной личности Іосифа и не скрываю ихъ важности, то потому лишь, что они отразились на характерѣ его трудовъ и много даютъ для уясненія недостатковъ этихъ трудовъ. Когда дѣло касается интересовъ науки и установленія чистой истины, тамъ нельзя игнорировать ничего, и волей-неволей приходится касаться и личности. Къ тому же я не беру на себя роль судіи Іосифа за его

нравственные недостатки, а собственно лишь констатирую факты, на основаніи матеріала его же трудовъ, и настолько лишь, насколько это важно для общей характеристики его Археологіи. Наконецъ, что я вовсе не низко ставлю Флавія въ научномъ отношеніи, ясно изъ прямыхъ похвалъ ему на весьма многихъ страницахъ сочиненія (36, 39 и т. д.), и именно за *достоинства* его трудовъ, признанія каковыхъ Вы во мнѣ не находите. Не могу согласиться также, чтобы наименованіе мною Флавія „плутовато — изворотливымъ жидкомъ“ было хуже, чѣмъ „жидовиномъ“, и чтобы это мѣшало быть ему предметомъ научнаго изслѣдованія. Вообще, въ оправданіе своей характеристики Іосифа я долженъ сказать, что Вы находите ее излишне мрачною вѣроятно потому, что судите о немъ только по его Археологіи. Но я нахожу этого недостаточнымъ, и не могъ составить объ Іосифѣ другого мнѣнія, основываясь на мрачныхъ подробностяхъ его „автобіографіи“ и „войны Іудейской“...

Преосвященный. „Не могу согласиться, затѣмъ, съ Вашимъ обвиненіемъ Флавія въ *непрагматичности*, которую Вы видите въ игнорированіи Іосифомъ идеи Мессіи по апологетически-тенденціознымъ цѣлямъ, побуждавшимъ его, въ угоду Риму, замалчивать все, наводящее на мысли объ ожиданіи Іудеями Мессіи Избавителя. Вѣдь это замалчиваніе объясняется цѣлью его настоящаго труда, писаннаго для язычниковъ, для которыхъ важна была историческая сторона дѣла. О Мессіи же Флавій пообщалъ въ концѣ этого своего труда поговорить въ другомъ сочиненіи. Притомъ же, такого прагматизма, связывающаго Ветхій и Новый Завѣтъ, нельзя и прѣъявлять къ іудею, несомнѣнно не стоящему на почвѣ христіанскаго сознанія. Только христіанскій библеистъ, слѣдуя ученію Церкви объ отношеніи Ветхаго Завѣта, какъ періода подготовительнаго къ Новому Завѣту, долженъ и можетъ руководствоваться этимъ прагматизмомъ. Историческіе факты и событія Ветхаго Завѣта только Св. Церковію изъясняются въ символическомъ смыслѣ, какъ прообразы событій и лицъ новозавѣтныхъ. Конечно, событія ветхозавѣтныя имѣютъ и свой ближайшій, непосредственный смыслъ въ отношеніи къ еврейскому народу. И этотъ ихъ историческій смыслъ является совершенно независимымъ, т. е. онъ не теряется, если мы отбросимъ алле-

горическое или прообразовательное толкованіе. Смысль ветхозавѣтныхъ прообразовъ „въ законѣ сѣни и писаній“ не былъ уразумѣваемъ даже святыми ветхозавѣтными писателями и мужами, кромѣ развѣ только нѣкоторыхъ избранныхъ (напр. Моисея, котораго, какъ видно изъ церковнаго пѣснопѣнія, разумѣлъ смыслъ образа неопалимой купины: „на горѣ святѣй прославльшася и въ купинѣ огнемъ Приснодѣвы Моисеови тайну явльшаго Господа пойте и перевозите во вся вѣки“) (трип. вел. понед. ирм. 9-й), и это уразумѣніе приводило ихъ въ ужасъ („На крестѣ Твое божественное истощаніе провидя Аввакумъ ужасся вопіаше“). Лишь христіанство вполнѣ поняло ветхозавѣтную исторію и оцѣнило тотъ путь Божественнаго водительства, которымъ долго шествовалъ избранный Богомъ Израиль. Послѣ этого, можно-ли предъявлять подобныя требованія къ іудею, въ данномъ случаѣ къ Флавію, и обвинять его въ рационализмѣ, какъ это иногда Вы дѣлаете, что онъ не даетъ прообразовательнаго смысла нѣкоторымъ событіямъ“?

О. І. „Правда то, что, предназначая свой трудъ для язычниковъ, Іосифъ Флавій имѣлъ полное право замалчивать Мессіанскія мѣста, особенно не получившія еще тогда всей ясности. Но упрекъ мой Іосифу въ данномъ случаѣ гораздо серьезнѣе пустой придирки и неподходящихъ требованій. Дѣло въ томъ, что Іосифъ допускалъ свои замалчиванія и другіе неблаговидные приемы вовсе не потому, чтобы не подозрѣвалъ важности и болѣе или менѣе яснаго значенія и смысла замалчиваемыхъ и искажаемыхъ мѣстъ; напротивъ, они-то именно были иногда для него весьма ясны и неустрашимы. Равнымъ образомъ, нельзя далѣе сказать и того, чтобы намѣреніе быть только рассказчикомъ чисто исторической стороны дѣла позволяло Іосифу вести себя столь безперемоннымъ рационалистомъ. Пускай его читатели были язычники, но съ какой стати надо было выступать предъ ними рационалистомъ, извращать и игнорировать тѣ или другія чудесныя стороны, когда эти самые читатели вовсе не были рационалистами въ отношеніи чудеснаго, и не только не были, а могли перещеголять самого Іосифа не кажущуюся только, а и прямо очевидно несообразностію своихъ мнѣніческихъ чудесъ, вродѣ отступленія моря Памфилійскаго предъ Александромъ Македонскимъ и т. п.“

Преосвященный. „Въ погонѣ по пятамъ за Флавіемъ Вы не даете себѣ труда иногда остановиться, чтобы взглянуть на пройденный путь, а вмѣстѣ съ тѣмъ собраться съ силами къ дальнѣйшему изслѣдованію. Вслѣдствіе этого у Васъ въ сочиненіи недостаетъ надлежащаго освѣщенія важнѣйшихъ событій и періодовъ Ветхозавѣтной исторіи. Отсюда Ваше сочиненіе производитъ впечатлѣніе какъ бы сухого комментарія на Флавія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — простая голословность. Между тѣмъ, при существованіи философскаго освѣщенія сочиненіе значительно выиграло бы въ своемъ интересѣ и научности (указаны примѣры)“.

О. І. „Соглашаюсь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моего сочиненія недостаетъ надлежащаго освѣщенія важныхъ событій и періодовъ Ветхоз. исторіи. Однако, это упущено мною не безъ основаній. Помимо того, что трудъ мой пришлось бы увеличить вдвое при осуществленіи такого намѣренія, я не находилъ нужнымъ пускаться въ собственныя философскія умствованія, тѣмъ болѣе что не находилъ и у Флавія никакого повода къ подобнымъ отступленіямъ отъ передачи имъ событій. Къ тому же, самый характеръ первой части моего труда не требовалъ такихъ подробностей, такъ какъ имѣлось ввиду дать лишь текст - критическое сопоставленіе Іосифа съ Библіей, отъ которой онъ вообще мало отступаетъ въ представленіи чисто исторической стороны дѣла“.

Преосвященный. „Далѣе Вы, о. Іосифъ, совершенно игнорируете синхронистическое обозрѣніе, хотя бы и краткое, состоянія народовъ, съ которыми входили въ сношенія евреи, особенно въ патриархальный періодъ. Такими народами были халдеи, ханаанскія племена, египтяне, и др. Нѣтъ сомнѣнія, что культура этихъ народовъ имѣла вліяніе на всѣ стороны евреевъ. Многія событія изъ патриархальнаго періода, о которыхъ говорится въ Библии, находятъ себѣ подтвержденіе и объясненіе черезъ сравненіе ихъ съ жизнью этихъ народовъ. Ассириологія, Египтологія, Сириологія,—науки, получившія свое надлежащее развитіе въ прошломъ вѣкѣ,—являются теперь положительно необходимыми для всякаго библеиста. Напр., знакомство съ халдейскою культурою, на основаніи новѣйшихъ открытій, освѣтило

бы намъ многія стороны изъ жизни Авраама: среду, въ которой онъ родился и провелъ лучшіе годы, пагубное вліяніе ея на семитовъ и т. д.,—вообще освѣтило бы какъ личность Авраама, такъ и исторію его призванія, имѣющую такое важное значеніе въ домостроительствѣ нашего спасенія“.

О. І. „Отвѣтомъ на настоящее возраженіе отчасти можетъ служить отвѣтъ на предшествующее. Въ частности, смыслъ призванія Авраама мнѣ не было особенной нужды раскрывать подробнѣе, такъ какъ вообще въ этой главѣ я считался главнымъ образомъ съ неправильностями Іосифа, не оправдываемыми Библиею и научными соображеніями. Чего же я не находилъ у Іосифа, хотя бы въ неправильномъ освѣщеніи, того считалъ позволительнымъ не касаться и въ своемъ трудѣ“.

Пресвященный. „Вы, любезнѣйшій о. Іосифъ, оставили совершенно безъ вниманія вопросъ о пути исхода евреевъ изъ Египта. У Флавія кратко говорится, что путь ихъ лежалъ чрезъ Летопольскую пустыню, „гдѣ былъ построенъ потомъ Вавилонъ, когда Камбизъ опустошалъ Египеть“. Больше у Флавія ничего не сказано, и Вы не даете никакого поясненія этого сказанія, въ смыслѣ его правильности или неправильности. І. Флавію принадлежитъ самое первое по времени мнѣніе относительно пути исхода евреевъ. Это мнѣніе долго было господствующимъ, до прошлаго вѣка, когда явилось много другихъ теорій и гипотезъ: Бругша, Эберса, Кейля и др. Между тѣмъ, мнѣніе Флавія сравнительно съ библейскими данными страдаетъ неполнотою, не указывая начальнаго пункта. Такимъ пунктомъ, согласно Флавію, долженъ быть Мемфисъ. Но это неправильно и несогласно съ Пятокнижіемъ, по которому столицей фараона эпохи исхода является Танисъ или Цоанъ въ нижнемъ Египтѣ, въ области Гесемъ. Мнѣніе І. Флавія, какъ основанное на поверхностномъ и ложномъ истолкованіи библейскаго повѣствованія, должно было подвергнуться критическому рассмотрѣнію съ Вашей стороны. Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду современныхъ гипотезъ о направленіи пути, имѣющихъ цѣлью отвергнуть чудесный переходъ чрезъ Чермное море“.

О. І. „Вопросъ о пути исхода у Іосифа рѣшается слишкомъ

слабо и неясно, и для того, чтобы покончить съ нимъ, совершенно достаточнымъ казалось мнѣ то, что я сдѣлалъ: заключить въ лапки („ “) выраженіе Флавія, показывающее всю несообразность его представленія. Правда, другіе ученые развиваютъ краткое выраженіе Флавія, формулируютъ его опредѣленнѣе, дѣлая никого ни къ чему не обязывающую догадку, что исходнымъ пунктомъ евреевъ Іосифъ считаетъ Мемфисъ и т. п., тогда какъ онъ указываетъ просто одно только направленіе (пошли „черезъ Летопольскую пустыню“ и т. д.), само по себѣ совершенно ничего не вносящее въ дѣло уясненія темной загадки о пути исхода. Но мнѣ—повторяю—было не до этихъ стороннихъ наслоеній къ тексту Іосифа, когда впереди предстояло столько совершенно неминуемыхъ и болѣе серьезныхъ вопросовъ“.

Преосвященный. „А почему Вы совершенно не обратили вниманія на вопросъ о Гиксахъ и на рассказъ Манеѳона о прокаженныхъ?. Рѣшеніе вопроса о Гиксахъ и фараонахъ Гикской династіи много облегчило бы разумѣніе исторіи правленія Іосифа и послѣдующаго періода угнетенія Израильтянъ. Рассказъ Манеѳона, о которомъ, правда, здѣсь кратко упоминаетъ Флавій, обѣщая говорить о немъ подробнѣе въ своемъ „сочиненіи „противъ Апіона“, тоже находится въ связи съ первымъ вопросомъ о Гиксахъ и въ немъ находится непремѣнно историческая основа. Ее то и нужно было найти въ качествѣ причины исхода евреевъ изъ Египта“.

О. І. „О фараонахъ исхода и другихъ подробностяхъ Манеѳона я позволилъ себѣ не распространяться потому, что и у Іосифа не нашель въ данномъ мѣстѣ ничего опредѣленнаго; при этомъ условіи упоминать о фараонахъ значило бы писать заново о томъ, чего онъ не касается здѣсь, а въ другомъ сочиненіи „противъ Апіона“, при разборѣ котораго этому вопросу и нельзя было бы не быть затронутымъ“.

Преосвященный. „Не совсѣмъ правильно, далѣе, Вы кажется представляете значеніе періода Судей. Дѣло въ томъ, что по обычному взгляду времена Судей относятся къ числу самыхъ мрачныхъ страницъ исторіи еврейскаго народа: полная анархія, религіозный упадокъ, нравственная деморализація. Эта характеристика состоянія еврейскаго народа какъ будто имѣетъ основанія въ Библии.“

Но—она одностороння, такъ какъ тамъ же есть много данныхъ, отрицающихъ существованіе анархіи, свидѣтельствующихъ о правильномъ теченіи религіозной, нравственной, общественной и семейной жизни. Что касается Васъ, то вмѣстѣ съ Іосифомъ Флавіемъ Вы примыкаете къ первому взгляду на періодъ Судей. Отсюда у васъ опускается и апологетическое значеніе такого или иного рѣшенія этого вопроса. Извѣстно, что новая преимущественно нѣмецкая школа т. н. реконструкторовъ Библейской исторіи, во главѣ съ Вельгаузенемъ, въ своихъ новыхъ построеніяхъ ея выходятъ изъ того предположенія, что Моисеева закона, заключающагося въ Пятокнижіи, не существовало въ началѣ исторіи евреевъ, во время поселенія ихъ въ Ханаанской землѣ. Происхожденіе же самаго Пятокнижія а также и законовъ, заключающихся въ немъ, нужно отнести ко времени послѣ плѣна іудейскаго. „Законъ іудейства есть и продуктъ іудейства“,—таково основное ихъ положеніе. Трудно понять, говорятъ они, какимъ образомъ законъ Моисеевъ, если онъ данъ былъ въ началѣ исторіи евреевъ, еще до поселенія ихъ въ Палестинѣ и въ первое время по поселеніи, не заявлялъ въ жизни народа еврейскаго о своемъ существованіи почти во все время до вавилонскаго плѣна, а потомъ послѣ плѣна внезапно и всюду сталъ проявляться. Въ доказательство этого они и ссылаются, между прочимъ, на эпоху Судей, считая ее самымъ темнымъ періодомъ въ исторіи Израильскаго народа, что-де объясняется отсутствіемъ у него Моисеева закона. Православному библеисту и нужно показать, что такая точка зрѣнія на эпоху Судей тенденціозна и одностороння; что въ общемъ жизнь Израиля въ этотъ періодъ вѣрна устройству Моисееву. Политическія и религіозно-нравственныя основы Моисеева законодательства сохранялись, если не всегда въ дѣйствительной жизни, то почти всегда въ сознаніи народа. Такъ напр.: мы не имѣемъ права утверждать о существованіи въ это время полной анархіи. Богъ—единственный Царь народа—и теперь такимъ признавался (Суд. 20, 23, 27, 28). Видимыми представителями религіозной и общественной жизни являются первосвященники и старѣйшины (I Цар. II. III. Руѣ IV, 2. 4. 9. 14). Религіозная жизнь въ это время въ общемъ протекала правильно. При скиніи Аароново священство отправляетъ

законный культъ (Суд. XX, XXI). Если появлялись другіе религіозные пункты, — что въ принципѣ не противорѣчило закону (Исх. XX, 24), — то и здѣсь, согласно Моисеевымъ постановленіямъ (Числь III, 5—14), собственно за левитами признавалось законное право на совершеніе культа (Суд. 17, 9. 10; 18, 4. 19); но главное святилище не забывалось. Израильтяне согласно Моисееву закону (Исх. 23, 14—17) ежегодно въ положенные дни посѣщали скинію и приносили жертвы (Суд. 21, 19). И такъ поступали не только лучшіе Израильтяне, но и весь народъ (21, 2—19).

Что касается нравственной жизни народа, то и ее нельзя представлять слишкомъ мрачною. Уже самое удивленіе и восклицаніе при извѣстии о преступленіи въ Гивѣ Веніаминовой („не бывало и не видано было подобнаго сему отъ дня исшествія сыновъ Израилевыхъ изъ земли Египетской до сего дня“) означало рѣдкость подобныхъ безнравственныхъ явленій, возмутившихъ народъ до глубины души.

Словомъ, общее міровоззрѣніе Израиля за разсматриваемое время согласовалось съ его особымъ назначеніемъ. Пороки его понятны при грѣховномъ состояніи и при совмѣстной жизни съ народами языческими, съ которыми онъ входилъ въ общеніе вопреки предписаніямъ несомнѣнно существовавшаго закона Моисеева“.

О. I. „Собственно я не заслуживаю упрека за то, будто отпону періодъ Судей къ числу мрачныхъ страницъ еврейской исторіи, потому что говорю только: „время Судей *Иосифъ Флавій* болѣе склоненъ, *кажется*, относить къ числу мрачныхъ страницъ Библейской Исторіи“. Когда же я даже сгущаю мрачныя краски, по сравненію съ Флавіемъ, въ извѣстномъ инцидентѣ Веніамитянъ, то дѣлаю это, какъ можно видѣть изъ представленныхъ мною соображеній, совершенно согласно истинѣ, почему-то произвольно смягченной Флавіемъ. Но, конечно, этотъ единичный фактъ, представленный мною болѣе точно и согласно своей мрачной правдѣ, вовсе не даетъ права думать, что я излишне омрачаю и весь періодъ Судей. Вполнѣ соглашаюсь съ представленіями Вашего Преосвященства, что въ самой книгѣ Судей есть данныя, по которымъ дѣло Евреевъ за этотъ періодъ обстояло въ религіозномъ, нравственномъ и др. отношеніяхъ, можетъ быть, вовсе не такъ плохо; однако, въ виду многочислен-

ныхъ прямыхъ указаній книги Судей, нѣтъ основаній и утѣшаться имъ много. Не спорю, что можно было использовать данныя книги Судей въ апологетическихъ и т. п. цѣляхъ (противъ Велльгаузена и др.). Но для этого надо было найти Велльгаузеневскія мысли у Іосифа, на что не было никакого основанія“.

Преосвященный. „Ставлю далѣе въ вину Вамъ, о. Іосифъ, то, что, изложивъ своеобразно - символическое толкованіе устройства скинии Флавіемъ, Вы не представили критики его и — настоящаго пониманія этого устройства съ православно - библейской точки зрѣнія. А это необходимо было въ виду существующихъ различныхъ толкованій: талмудическаго, аллегорическаго, космическаго, и т. д. Вѣдь Вы, почтеннѣйшій о. диспутантъ, задачею своего труда полагаете не изложеніе только воззрѣній Флавія, но и критику ихъ“.

О. І. „Не могу не согласиться здѣсь, что упрекъ и справедливый и нелегко опровержимый. Но вообще, въ вопросѣ о скинии я находилъ болѣе археологическій, нежели историческій интересъ. А возможность приписать мнѣ согласіе съ Флавіемъ въ его толкованіи частей и принадлежностей скинии — полагаю — достаточно устранена тѣмъ, что я нарочито подчеркиваю неоднократныя заявленія Флавія, что приводимое имъ толкованіе обязано его *лично* мнѣнію“.

Преосвященный. „Не могу не пожурить Васъ, возл. о. І., за излишнюю придирчивость къ Флавію. Вы, напр., ставите въ вину Флавію, что онъ не удерживается отъ „соблазна историка — все видѣть размѣщеннымъ на своемъ мѣстѣ, такъ чтобы получался одинъ цѣльный, связанный и послѣдовательный рассказъ“ (138 стр.). Въ чемъ же тутъ вина?“

О. І. „Да я и не виню за это Іосифа. Напротивъ, это въ немъ „соблазнъ“ *хорошій*: я недоволенъ тѣмъ лишь, что Іосифъ не совсѣмъ успѣшно воспользовался этимъ добрымъ соблазномъ“.

Преосв. „А вотъ напр. Вы ставите въ вину Флавію, объясняющему естественнымъ образомъ измѣненіе вкуса воды въ Меррѣ, что онъ „не усвоитъ этого чуда Божественной силѣ, благоволившей дать этому древу прообразовательное значеніе по отношенію къ древу крестному“ (115 стр.). Какого прообразовательнаго объясненія можно требовать отъ Флавія, когда такое объясненіе впоследствии дано?“

О. I. „Конечно, было бы слишкомъ много требовать отъ Иосифа пониманія прообразовательнаго значенія древа, усладившаго горькія воды, по отношенію къ древу крестному. Но я и не рѣшаюсь прямо требовать этого: я просто только констатирую фактъ: указываю, *какъ* дѣло представлено у Иосифа и какъ оно должно выступать *для нашего пониманія*. Пожалуй, я и обвиняю Иосифа, но за то лишь, что онъ, послѣ того какъ вполне естественно объяснилъ перемѣну вкуса „застоявшейся“ воды вычерпываніемъ ея, оставляетъ загадочнымъ и совершенно излишнимъ еще употребленіе древа“.

Пресвященный. „Ставлю, наконецъ, Вамъ въ вину то, въ чемъ Вы обвиняете Флавія. Такъ, Вы обвиняете Флавія, что онъ не стѣсняется навязать тѣмъ временамъ — древнимъ позднѣйшія возрѣнія своего времени. Не менше виновны въ этомъ и Вы, напр., въ разсказѣ о „представленіи“ Иакова, какъ „самаго элегантнаго кавалера нашего времени“ Рахили, и о первомъ знакомствѣ и бесѣдѣ ихъ (93 стр.). Или же—въ изображеніи психологіи отверженной любви на тему „лязи со мною“ (въ исторіи Иосифа и жены Пентефрія)“.

О. I. „Передача мною повѣствованія Флавія о первомъ свиданіи Иакова съ Рахилью можетъ дѣйствительно показаться слишкомъ несвойственною для священно-библейскаго событія. Однако, въ этомъ я мало виноватъ. Я передавалъ *духъ* повѣсти Флавія, а онъ дѣйствительно таковъ, какимъ выступаетъ въ сокращенной передачѣ длиннаго мѣста подлинника, котораго мнѣ не хотѣлось приводить полностью. То же самое скажу и о передачѣ неудавшагося покушенія жены Пентефрія на чистоту Иосифа....“

Пресвященный. „Указанные мною недочеты, возлюбленнѣйшій о. Иосифъ, отнюдь не умаляютъ достоинствъ Вашего многоцѣннаго и научнаго труда, появленіе котораго я съ радостію привѣтствую. Полагаю, что съ такимъ же удовольствіемъ онъ будетъ встрѣченъ и среди присяжныхъ ученыхъ, и со стороны любителей религіознаго вѣдѣнія, которыми онъ съ пользою будетъ прочитанъ. Желая и заповѣдую Вамъ и впредь работать въ этой области. У Иосифа Флавія много трудовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ Библейской исторіи. Быть можетъ, тогда и Вы, изучивъ всѣ его творенія, измѣните нѣкото-

рия свои воззрѣнія на него, и онъ представится Вамъ не „плутовато-изворотливымъ жидкомъ“ съ мелкою душою, а челоуѣкомъ—великаго ума и духа, имѣвшимъ несчастье видѣть политическую гибель славнаго своего отечества. И тогда Вы воистину свяжете въ наукѣ свое библейское имя съ именемъ Иосифа Флавія“.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ о. Иосифа выступилъ экстраординарный профессоръ В. Н. Мышцынъ.

В. Н. М. „На 2 стр. своего предисловія Вы пишете: „при данной формулировкѣ наша тема получаетъ центръ всей тяжести во второй половинѣ капитальнѣйшаго труда Иосифа и, сообразно съ этимъ, должна была отвлекать на нее же и все наше вниманіе. Какъ извѣстно всякому сколько-нибудь имѣвшему дѣло съ Иосифомъ, значеніе его, какъ источника, въ первой половинѣ его труда, сводится почти къ нулю, и только тамъ, гдѣ кончается Библия, начинается его авторитетъ“ и т. д. Для читателя Вашей книги непонятно, какимъ образомъ центръ тяжести темы: „Исторія Іудейскаго народа по Археологіи Иосифа Флавія“, лежитъ во второй половинѣ Археологіи, гдѣ Флавій является источникомъ. Для изложенія Іудейской исторіи по представленію Флавія съ критическимъ разборомъ ея одинаково важны обѣ половины Археологіи, независимо отъ того, является ли Флавій источникомъ или толкователемъ Іудейской исторіи. Это Ваше замѣчаніе, какъ и Ваша рѣчь о какомъ-то допущенномъ Вами компромиссѣ, да и все предисловіе, будучи на мѣстѣ при прежнемъ заглавіи Вашего труда („Археологія І. Флавія, какъ источникъ для Библейской исторіи), не вполне соответствуетъ теперешнему его заглавію“.

О. І. „Въ уясненіе этого недоразумѣнія могу сказать слѣдующее. Дѣйствительно, мое предисловіе въ настоящемъ его видѣ предназначалось первоначально для другого заглавія, и скажу по совѣсти—я вовсе не упустилъ изъ вниманія того, что при новомъ наименованіи книги предисловіе, повидимому, является къ нему не совсѣмъ подходящимъ. Чувствуя это отчасти, я положился на то, что изъ самого труда для читателей можетъ быть яснымъ неодинаковое значеніе двухъ половинокъ Археологіи и, въ соответствии этому, различное и мое къ нимъ отношеніе. Правда,—какъ Вы замѣтили, В. Н.,—для критическаго разбора изложенія Іу-

дейской исторіи по Флавію должны быть одинаково важны объ половины Археологіи, но вѣдь нельзя сказать, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ критическій разборъ Іосифовой Археологіи давалъ одинаково важные результаты. Это-то и оставляетъ за мною право думать и говорить, при какой угодно формулировкѣ темы, что центръ тяжести во второй половинѣ изслѣдованія. Это—необходимость, которую заставляетъ насъ признать Іосифъ всѣми особенностями своего труда“.

В. Н. М. „Измѣненіемъ своей темы Вы перенесли центръ тяжести Вашей работы со второй половины Археологіи Флавія на средину ея, придавъ обѣимъ частямъ приблизительно равное значеніе. Это для васъ и хорошо и худо. Хорошо тѣмъ, что Вы получили благодаря этому право на подробный анализъ первой половины Археологіи, въ которой Флавій излагаетъ исторію параллельно Библии, каковой анализъ былъ данъ Вами уже въ кандидатской диссертациі. Худо тѣмъ, что вмѣстѣ съ этимъ должны были возрасти и требованія къ первой части Вашей диссертациі. Если прежде Вы могли ограничиться краткой характеристикой приемовъ, какіе употреблялъ Флавій, воспроизводя библейскія извѣстія, то теперь Вы должны дать подробный и тщательный анализъ всего содержанія Археологіи и выяснить происхожденіе всѣхъ ея отступленій отъ Библии. Нельзя сказать, чтобы Вы выполнили эту задачу вполне удовлетворительно. Во 1-хъ, Вами указаны не всѣ отступленія Флавія отъ Библии, и во-2-хъ, указанная Вами отступленія объяснены Вами слишкомъ бѣгло. Для послѣдняго Вамъ недоставало знанія внѣбиблейской и послѣбиблейской іудейской литературы и талмуда, безъ котораго Вы лишены были возможности объяснить происхожденіе многихъ отступленій Флавія отъ Библии и оцѣнить достовѣрность повѣствованій его. На стр. 77, напр., говоря, что Іосифъ пытается подтвердить историчность повѣствованія о потопѣ упоминаніями о потопѣ у писателей варварскихъ, Вы замѣчаете: „всѣ эти свидѣтельства, однако, не могутъ быть названы надежными. Одинъ простой взглядъ на тексты, приводимые Іосифомъ, уже показываетъ, что эти авторы или говорятъ совершенно о другомъ, или повторяютъ тѣже преданія евреевъ, болѣе или менѣе отрывочныя, или въ томъ видѣ, какъ онѣ начали рас-

пространяться въ мірѣ языческомъ съ эпохи сліянія народовъ и идей, подготовленнаго вѣкомъ Александра“. Однако свидѣтельство Бероза, напр., въ существенномъ подтверждается клинообразными надписями, найденными въ ниневійской бібліотекѣ Ассурбанипала. Вы часто ссылаетесь на талмудъ, но по нѣкоторымъ признакамъ сомнительно, чтобы Вы пользовались имъ изъ первыхъ рукъ“.

О. І. „Оба представленныхъ Вами недостатка—указаніе мною *не всякъ* отступленій Флавія отъ Библии, и то, что указанная изъ отступленій объяснены слишкомъ бѣгло—не могу отрицать. Это, однако, не было слѣдствіемъ моего недосмотра или небрежности, а болѣе по физической невозможности дѣла по существу. Пришлось бы для безупречнаго выполненія столь сложной задачи принять во вниманіе всѣ варианты рукописей и изданій Флавія и т. п. Думаю, однако, что изъ опущенныхъ мною отступленій Іосифа отъ Библии—существеннаго чего-либо не найдется, такъ какъ все это по возможности приведено; извинительна и бѣглость объясненій въ виду того, что я неизмѣнно держался убѣжденія о болѣе важности второй половины труда. Свидѣтельства, затѣмъ, Бероза и др. свѣтскихъ писателей я называю недостаточно надежными или точнѣе недостаточно важными постольку, поскольку можно сомнѣваться въ ихъ независимости отъ еврейскихъ преданій. При этомъ условіи и подтвержденіе Бероза клинообразными надписями, мнѣ кажется, не можетъ говорить исключительно въ *его* пользу, а въ пользу лишь вообще еврейскихъ преданій, независимо отъ коихъ Бероза и др. остается неизмѣнно сомнительною. Талмудомъ я пользовался дѣйствительно не изъ первыхъ рукъ, но большаго ущерба дѣлу отъ этого не вижу, тѣмъ болѣе что *подвигъ* изученія Талмуда *въ подлинникъ* не могу не назвать превышающимъ необходимость примѣненія его къ моей задачѣ, какъ я ее понималъ и могъ осуществить въ возможно непродолжительное время“.

В. Н. М. „Далѣе. Сравнивая Іосифа съ Библией, Вы вездѣ предполагаете ясный, опредѣленный смыслъ Библии и вѣрите въ неповрежденность ея текста. А между тѣмъ смыслъ Библии во многихъ мѣстахъ не такъ ясенъ и текстъ ея не такъ несомнѣненъ, какъ Вы думаете. Вамъ не вполне извѣстно современное историко-критическое толкованіе Пятюкни-

жия и историческихъ книгъ; вѣстности—Вами недостаточно представлены хронологія библейская и разница въ повѣствованіяхъ книги Судей и книги I. Навина, а также книгъ Царствъ и Паралипоменонъ. Наконецъ, и къ тексту Флавія съ новой темой Вы должны были отнестись тщательнѣе. Взявъ на себя специальную задачу анализировать все содержаніе Археологіи Флавія, Вы въ мѣстахъ параллельныхъ съ Библией, гдѣ разница иногда ограничивается выраженіями, цифрами и под., должны были цѣнить каждое слово Флавія, а не схватывать его приблизительный смыслъ, пользуясь сомнительными переводами.

На стр. 72 Вы говорите объ оригинальности мнѣнія Іосифа, по которому „всѣ животныя въ то время имѣли одинъ языкъ или способъ для сообщенія другъ другу своихъ мыслей (собств.—*διωμοφροονύτων δὲ κατ' ἕκαστο καίροϋ τῶν ζώων ἀπάντων*)“. Въ мѣстѣ съ подлинникомъ Вы въ кавычкахъ приводите здѣсь неточный переводъ по изданію Самуилова, сдѣланному съ латинскаго текста. Слово *διωμοφροονύτων* значить: были въ согласіи, единомыслии. Словами: „имѣли одинъ языкъ“ это мѣсто можно было бы перевести, еслибы въ подлинникѣ стояло *διωμοφροονύτων*. Такое чтеніе въ качествѣ варианта дѣйствительно встрѣчается, но Вы сами читаете здѣсь *διωμοφροονύτων*.

На стр. 73 доказательство крайне несовершеннаго пониманія Іосифомъ исторіи грѣхопаденія Вы видите въ его воззрѣніи, что „Адамъ и Ева, одѣвшись листьями смоковницы, считали себя счастливѣйшими, найдя то, чего прежде не имѣли“ (*ὡς ὃν πρότερον ἐβλάμίζον εὐρόντες*, собственно— „въ чемъ прежде не нуждались“). Переводъ Самуилова („чего прежде не имѣли“) Вамъ показался неточнымъ, и Вы присоединяете свой переводъ, притомъ совершенно неправильный. *Ἐβλάμίζω* значить: не имѣть, имѣть недостатокъ, нуждаться. Слѣдовало перевести поэтому: „въ чемъ прежде нуждались“. Своимъ переводомъ Вы лишаете смысла рѣчь Іосифа. Найти то, въ чемъ не нуждаются, не составляетъ блаженства.

На стр. 90 Вы говорите, что, по Іосифу, „ангелы принятыя и угощаемыя Авраамомъ въ качествѣ иностранцевъ, не ѣдятъ и даже не „показываютъ“ лишь „видъ“, что дѣлаютъ это, но объявляютъ прямо, что они уже ѣли“. Однако

въ подлинникѣ стоитъ: *οἱ δόξαν αἰτῶ* т. е. „они казались ему“, или: „они имѣли видъ“ (у Генкеля: „тѣ сдѣлали видъ, будто ѣдятъ“). Изъ этихъ примѣровъ видно, что Вы иногда даете неточный, даже невѣрный переводъ въ мѣстахъ, особенно важныхъ для характеристики воззрѣній Иосифа“.

О. I. „Вообще, признаю приведенные здѣсь мнѣ упреки нене-справедливыми; въ первую часть моего труда почти цѣликомъ вошла моя кандидатская работа, которая, конечно, не могла отличаться достаточною зрѣлостью воззрѣній и безупречными совершенствами; можно обвинять меня, почему я не передѣлалъ ее заново, но это составило бы самостоятельный магистерскій трудъ, чѣмъ нарушилось бы и единство моей работы и встрѣтила бы задержку вторая болѣе важная ея часть, сосредоточивающая на себѣ весь интересъ.“

Въ частности, относительно перевода слова *ἐβρίσθη* я долженъ оправдаться, что не зналъ точнаго его перевода, и своимъ соотвѣтствующимъ „не нуждались“ собственно не переводилъ, а лишь хотѣлъ *пояснить* слово *ἐβρίσθη*. Неточность обычнаго перевода этого слова въ смыслѣ „нуждались“ при *данныхъ* обстоятельствахъ очевидна. Адамъ и Ева только *не имѣли* одежды, а вовсе не *нуждались*, ибо были дѣтки невинны. Это только я и хотѣлъ пояснить своимъ толкованіемъ“.

В. Н. М. „Вы обвиняете Флавія въ тенденціозности. Обвиненіе вообще правильное. Но Вы слишкомъ преувеличиваете ее и придаете ей черезчуръ преступный характеръ, видя въ Иосифѣ „человѣка поверхностнаго, шаткаго въ собственныхъ убѣжденіяхъ.... плутовато - робкаго іудея и узкаго партикуляриста“ (стр. 21), „плутовато - изворотливаго жидка“ (27). Но подобную тенденціозность Вы должны констатировать и въ нѣкоторыхъ свящ. книгахъ. Какъ извѣстно, книги Паралипоменонъ дѣлають изъ книгъ Царствъ своеобразный выборъ матеріала, одно опускають, другое прибавляють, руководясь опредѣленною идеею. Такъ онѣ не упоминають объ упрекѣ Мелхола Давиду за то, что этотъ обнажался передъ народомъ, о прелюбодѣяніи Давида съ Вирсавіей, о поступкѣ Амнона съ Тамарью, о возмущеніи Авессалома, Савел, о выдачѣ потомковъ Саула Гаваонитянамъ и т. д. Другія извѣстія онѣ пополняютъ сообщеніями, въ которыхъ важ-

ную роль играютъ священники и левиты. Во всемъ этомъ видно стремленіе идеализировать личность Давида и отношенія его семьи. Тенденціозность книгъ Паралипоменонъ признаете и Вы на стр. 149. Рѣшится ли Вы осудить за нее автора Паралипоменонъ такъ, какъ осуждаете Іосифа, названнаго Вами святотатственно дерзкимъ торгашомъ Словомъ Божіимъ?“

О. І. „Ваше сопоставленіе тенденціозности нѣкоторыхъ свящ. книгъ съ тенденціозностію трудовъ Флавія кажется мнѣ, В. Н., не совсѣмъ справедливымъ по ихъ крайней несоизмѣрности. Тенденціозность—тенденціозности рознь, равно какъ и идея, руководящая такою или иною тенденціозностію, можетъ быть до безконечности разнообразна по своей доброкачественности. Я не могу не обвинять Флавія именно за *недоброкачественную* тенденціозность, руководимую *фальшивою* идеею. Какъ хотите, но только едва ли можно не видѣть разницы между писателемъ Паралипоменонъ, не выдающимъ своихъ нравственныхъ достоинствъ или недостатковъ ни единымъ намекомъ, и авторомъ Археологін, *какъ онъ заявляетъ себя* на каждомъ шагу своихъ трудовъ“.

В. Н. М. „Вы упрекаете Іосифа въ прагматизмъ, главнымъ образомъ за то, что онъ не далъ мѣста въ своей исторіи идеѣ Мессіи. Это отсутствіе Мессіанской идеи у Іосифа по Вашему извращаетъ совершенно истинный смыслъ и духъ Іудейской исторіи (стр. 38). И здѣсь Вы не вполне справедливы. Онъ писалъ исторію для язычниковъ и для языческаго императора. Въ своемъ стремленіи примирить читателей своей исторіи съ еврейскимъ народомъ Іосифъ долженъ былъ соблюдать постепенность. Было бы верхомъ безтактности говорить языческому императору о настойчивомъ ожиданіи всѣми евреями своего Царя, Который покорить всѣ народы. Но и независимо отъ этого, еслибы даже Іосифъ писалъ свою исторію для іудеевъ, то едвали было бы справедливо дѣлать ему рѣзкій упрекъ за отсутствіе Мессіанскаго элемента. У него были предшественники въ лицѣ авторовъ книгъ Царствъ, Паралипоменонъ, Ездры и Неемін. Есть ли Мессіанскій элементъ въ историческихъ книгахъ? Нѣтъ. Слѣдовательно, и ихъ Вы должны обвинить въ недостаткѣ прагматизма, въ извращеніи смысла и духа исторіи.

Наконецъ, дѣйствительно ли обязательно необходимъ та-

кой догматическій прагматизмъ въ исторіи еврейскаго народа? На стр. 213 говоря о причинахъ, вызвавшихъ появленіе греческаго перевода, Вы замѣчаете: „еще цѣлесообразнѣе объяснить это участіемъ Промысла Божія въ судьбахъ человѣчества“. Это тоже прагматизмъ. Но онъ въ исторіи пожалуй настолько же умѣстенъ, насколько умѣстно на вопросъ: почему Вы въ данную минуту оказались на каѳедрѣ, отвѣтить: на то Божія воля. Послѣднее несомнѣнно, потому что ничего безъ воли Божіей не дѣлается на землѣ. Однако, это мало объясняетъ самый фактъ. Точно также можно пожалуй еще спорить о томъ, выиграла ли бы исторія Флавія, еслибы опъ внесъ въ него прагматизмъ, какъ Вы его понимаете“.

О. I. „Опять долженъ оговориться, что „непрагматизмъ“ Флавія въ указанномъ мною смыслѣ совсѣмъ не то, что отсутствіе Мессіанскаго элемента въ книгахъ Царствъ, Ездры и т. п. Затѣмъ, говоря объ извращеніи Іосифомъ истиннаго смысла и духа Іудейской исторіи, я самъ значительно облегчаю ему свои упреки, считая не совсѣмъ справедливымъ предъявлять къ нему требованія выше возможности; но вѣдь долженъ же я былъ и констатировать (просто только констатировать) то, что представляетъ его исторія съ точки зрѣнія христіанскаго ея пониманія. Пусть онъ писалъ и для язычниковъ; но это вѣдь не обязывало его разсуждать по-язычески. Писали и апостолы для язычниковъ и даже для тѣхъ же Римлянъ, что и Іосифъ, не боясь въ глаза самому Кесарю говорить всю правду. Конечно, Флавій не зналъ эту правду такъ, какъ знали Апостолы, но почему же онъ не говоритъ ее, по крайней мѣрѣ, какъ зналъ и не могъ не знать. Замѣчу также, что непрагматизмъ Іосифа, за который я его упрекаю, вовсе не исчерпывается отсутствіемъ Мессіанскаго элемента, а понимается у меня гораздо шире (см. 35 стр. введенія)...

Наконецъ, готовъ подтвердить, что, хотя бы и догматическій, прагматизмъ вовсе не такъ неумѣстенъ въ исторіи, если не *еврейскаго народа*, то въ исторіи *библейской* (что не одно и тоже), какъ старается представить Вашъ примѣръ изъ факта стоянія моего на каѳедрѣ. Хотя для воли Божіей одинаково легко и свойственно управлять великими и ничтожными явленіями, однако —полагаю—придавать одинако-

вое значеніе участію воли Божіей въ переводѣ LXX и въ стояніи моемъ на каедрѣ едва ли справедливо и допустимо. Пусть вѣрно и то, что фактъ *просто-историческій* мало можетъ быть объясненъ участіемъ Промысла Божія, но сильное освѣщеніе подобнымъ образомъ факта *библейско-историческаго* не только допускается, но и требуется строгимъ воззрѣніемъ на Библейскую Исторію“.

В. Н. М. „Вы упрекаете Іосифа въ не критичности и приводите въ примѣръ не критичное отношеніе Іосифа къ Ироду. „Когда мы читаемъ, пишете Вы, его исторію Ирода, которую онъ приводитъ по Николаю Дамаскину, основательно заподозрѣнному имъ въ угодничество въ Ироду, то поражаемся странною двусмысленностью его отзывомъ объ этомъ деспотѣ. Мы не знаемъ положительно, чему вѣрить въ устахъ одного и того же Іосифа, тому ли, что Иродъ „всегда считалъ за долгъ свой какимъ бы то ни было образомъ облегчать несчастіе подданныхъ своихъ и отечески заботился объ ихъ благосостояніи“ (Археол. XV, 9, 2); или тому, что былъ для нихъ „неумолимымъ“ тиранномъ (—XV, 7, 10; 5, 5), въ то время какъ „даже чужимъ (XV, 10, 3; 5, 5) свободно по своему великодушію прощалъ всякія обиды“... тому ли, что это былъ дѣйствительно „государь достойнаго удивленія великодушія и мужества въ несчастіяхъ, заслуживавшій великаго почтенія отъ всѣхъ своими храбрыми дѣянціями, щедростью и благотворительностью“ (XV, 5, 5; 6, 6 — 7: 9, 5; XVI, 13, 8 и др.), или это было воплощеніе звѣрства и кровожадности, которое только терпѣливо „сносилъ народъ, негодую на его дѣла, клонившіяся единственно къ уничтоженію ихъ закона и поврежденію ихъ нравовъ“ (XVI, 11, 7; XV, 10, 4) и т. д. Если гдѣ, то именно здѣсь, упрекая историка въ не критичности, Вы должны были явиться образцомъ точности и критичности. Вы же отчасти благодаря неудовлетворительности бывшаго у Васъ подъ руками русскаго перевода, отчасти изъ желанія усилить эффектъ отъ противорѣчій, находимыхъ Вами у Іосифа, приписываете ему или слова или смыслъ, которыхъ у него нѣтъ. Большинство отмѣченныхъ у Васъ кавычками фразъ Вы не найдете въ тѣхъ мѣстахъ, которыя процитированы у Васъ въ приведенной тирадѣ, а нѣкоторыхъ Вы не найдете во всей Археологіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Вы произвольно измѣняете

текстъ и такимъ путемъ находите противорѣчія у Флавія. Вы видите противорѣчіе въ томъ, напр., что по Іосифу Иродъ „былъ для нихъ „неумолимымъ“ тиранномъ, въ то время какъ „даже чужимъ свободно по своему великодушію прощать всякія обиды“. Но никакого противорѣчія нѣтъ въ словахъ самого Іосифа: „вообще насколько Иродъ былъ неумолимъ по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ, настолько великодушно прощалъ проступки чужеземцевъ“ (XV, 10, 3).

О. І. „Если вѣрно, что не всѣ мѣста Іосифа объ Иродѣ приведены у меня въ данномъ мѣстѣ буквально, то не думаю, чтобы чего-либо изъ сказаннаго объ Иродѣ не нашлось во всей Археологіи. Послѣднее относительно нѣкоторыхъ мѣстъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что я для отгѣненія мысли Іосифа заключалъ ее въ кавычки, передавая, однако, своими словами. И такая передача словъ Іосифа своими словами нигдѣ не измѣняетъ въ общемъ его смысла. Что же касается послѣдняго указаннаго мною противорѣчія въ отзывѣ Іосифа объ Иродѣ, то оно не совсѣмъ такъ понято Вами, В. Н! Мысль моя такова: „мы не знаемъ, чему вѣрить, тому ли что *Иродъ... отечески заботился о подданныхъ*, или—что *былъ для нихъ тиранномъ*, въ то время какъ даже отъ *чужеземцевъ* терпѣлъ все“.... Двѣ части второго противоположенія въ періодѣ по недоразумѣнію поняты Вами самостоятельно, и отъ этого получается неясность рѣчи. Слова „въ то время какъ даже отъ чужеземцевъ терпѣлъ все“ прибавлены только, какъ второстепенныя, для усиленія главной мысли, что Иродъ былъ *тиранномъ своихъ же подданныхъ*, въ противовѣсъ главной мысли другой части противоположенія, что онъ.. *отечески заботился о подданныхъ*. Какъ же тутъ нѣтъ противорѣчія!?“

В. Н. М. Можетъ быть у Іосифа было бы противорѣчіе, еслибы у него дѣйствительно были слова, приписываемыя ему Вами. Но у него не то. Въмѣсто Вашего: Иродъ „*всегда считалъ за долгъ свой какимъ бы то ни было образомъ облегчать несчагіе подданныхъ своихъ*“ (Вы приводите это въ кавычкахъ, слѣд. приписываете Флавію), у Флавія сказано: „считалъ обязанностью всячески (*παντως* — всякимъ способомъ) помочь бѣдѣ“ (рѣчь о томъ, что предпринялъ Иродъ во время страшнаго голода, бывшаго въ 13-й годъ его цар-

ствования). Частный случай Вы обобщили. Слово: „отечески заботился объ ихъ благосостояніи“, я совѣмъ не нашелъ въ подлинникѣ. Приведенная выдержка по Вашему противорѣчить тому, что по Флавію Иродъ былъ для нихъ (т. е. іудеевъ) „неумолимымъ“ тиранномъ (XV, 7, 10; 5, 5). Въ указанныхъ Вами мѣстахъ нѣтъ подобныхъ выраженій. Но въ XV, 10, 3, гдѣ Иродъ называется „неумолимымъ“ къ своимъ подданнымъ (тиранномъ здѣсь онъ не называется) и великодушно прощающимъ проступки иностранцевъ, рѣчь идетъ о наказаніи за проступки. Слѣд., замѣчаніе это предшествующему не противорѣчить. Самъ Флавій эти два замѣчанія примиряетъ въ слѣдующихъ словахъ: „подданныхъ онъ держалъ вполнѣ въ рукахъ, отчасти нагоняя на нихъ страхъ, будучи неумолимъ въ случаѣ необходимости наказанія, отчасти же выказывая къ нимъ великодушную заботливость въ бѣдѣ“ (XV, 9, 5).

„Вы называете, затѣмъ, Ирода человѣкомъ-звѣремъ (стр. 333) и говорите, что въ чудовищной жизни этого перваго антихриста, не было ничего святого, *кромя* страстей; въ ней, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся нравственная тьма растлѣннаго человѣка (354). Въ этой характеристикѣ Вы оказались, по моему мнѣнію, менѣе критичны, чѣмъ Іосифъ Флавій, который признаетъ въ Иродѣ двойственность природы и дѣятельности. Говоря о злодѣйствахъ Ирода, Вы какъ будто забываете, что каждая его жестокость вызывалась или местию за подобную же жестокость по отношенію къ его родственникамъ или измѣной Ироду и заговорами противъ него, почти всегда дѣйствительными, а не воображаемыми. Говоря объ его благодѣяніяхъ іудейскому и другимъ народамъ, а такихъ благодѣяній, какъ Вы знаете, было много, Вы исключительно объясняете ихъ изъ другихъ мотивовъ, изъ ненасытнаго честолюбія, жажды славы и т. д. (ср. стр. 341). Я считаю такое отношеніе къ Ироду пристрастнымъ, одностороннимъ, некритичнымъ. Развѣ исторія не знаетъ лицъ съ двойственной натурой, принесшихъ съ собою столько же зла, сколько и добра? Какъ Вы ни объясняйте благодѣянія Ирода, всегда они не перестанутъ говорить въ пользу его“.

О. І. „Двойственность природы и дѣятельности въ Иродѣ признаю и я. (335 стр. 324, прим. и др.). Стою на своемъ, что въ

казняхъ и свирѣпствахъ Ирода большую роль играла мнительность. Да дѣло и не въ этомъ. Пусть Иродъ имѣлъ дѣло и съ дѣйствительными заговорщиками; главное въ *характеръ* его отношеній къ нимъ — звѣрски жестокомъ, не допускавшемъ никакихъ оправданій со стороны виновныхъ, никакихъ возраженій со стороны защитниковъ, никакой чело­вѣчности въ духѣ настоящаго законнаго суда и наказанія преступленій. Своихъ дѣтей отъ Маріаммы, оклеветанныхъ въ измѣнѣ, онъ не допустилъ даже въ судъ, казнилъ тѣхъ, кто заикнулся о снисхожденіи къ нимъ, ни единымъ звукомъ не выдалъ своего истинно-отеческаго чувства къ несчастнымъ жертвамъ своего характера, и т. д. и т. д. Вообще, какъ бы снисходительно ни относиться къ такому феномену, какъ Иродъ, онъ всегда будетъ тѣмъ, что есть — *Иродомъ!*

И то, что говоритъ повидимому въ пользу его, допускаетъ исполнѣ основательныя противоположныя объясненія. Хорошее, конечно, остается хорошимъ само въ себѣ, но впечатлѣніе отъ Ирода вездѣ таково, что онъ остается все тѣмъ же „Иродомъ“ во всемъ хорошемъ, до чего бы только ни прикасался.“...

В. Н. М. „Въ заключеніе я выражу одно искреннее Вамъ пожеланіе. Одинъ изъ эпиграфовъ Вашего труда даетъ основаніе думать, что Вы намѣрены посвятить всю жизнь изученію Библейской исторіи. Ближе изучая ее, Вы современемъ убѣдитесь въ нѣкоторыхъ пробѣлахъ и крайностяхъ изложенныхъ въ Вашей книгѣ взглядовъ. Но чтобы печатно сознаться въ нихъ, для этого нужно нравственное мужество. Вотъ его то я Вамъ желаю“.

О. І. „Вполнѣ сознаюсь, что есть дѣйствительно немало недостаточнаго въ моемъ трудѣ, и во многомъ изъ того, что указано Вами сейчасъ, вполнѣ соглашаюсь и оставляю безъ отвѣда. То же, что вы называете нравственнымъ мужествомъ, сдѣлано мною въ общемъ уже въ предварительной рѣчи, гдѣ я объявилъ, что трудъ мой можетъ быть не увидѣлъ бы и свѣта, если бы я не былъ того искренняго убѣжденія, что *для науки нужны и неудачи!*“

Въ качествѣ неоффиціального оппонента выступилъ, затѣмъ, ординарный профессоръ Академіи М. Д. Муретовъ, возражавшій такъ:

„Сову—по лету“,

„Льва—по когтю“.

А ученаго—по заглавной эмблемѣ.

У Васъ—двѣ эмблемы. Одна—это цитаты изъ Де-Солси и Ренана. Что означаютъ они? То ли, что въ дѣлѣ науки не имѣютъ значенія философскія и религіозныя разномнѣнія, что наука совершенно безпристрастна и объективна и что Вы готовы внимать истинѣ, кто бы ни высказывалъ ее? Есть ли это знакъ *высшей научности* Вашего труда?“

О. Г. „Безъ всякихъ притязаній на *высшую научность*, это просто обычно употребляемые эпитафны къ заглавію труда, не опредѣляющіе ни его направленія, ни степени его научности, ни даже степени участія цитируемыхъ въ эпитафны мыслителей въ моемъ трудѣ“.

М. Д. М. „Но если на такую научность не претендуетъ первая эмблема, то вторая что означаетъ? Разумѣю рисунокъ ковчега завѣта. Откуда Вы взяли его? Не стану уже говорить объ общемъ видѣ и постановкѣ ковчега, его украшеніяхъ, кольцахъ, шестахъ, размѣрѣ херувимовъ и пр. Остановливаю Ваше вниманіе только на *шести* крылахъ херувимовъ. Двойственное *кенафаним* въ Исх. 25. 20 и 37, 7 какъ и 3 Цар. 6, 24 и 8, 7 можетъ указывать только на два крыла. То же у Зах. 5, 9, ибо у анста только два крыла. Когда это двойственное употребляется не о двухъ, а о многихъ крылахъ (въ значеніи множественнаго, тогда ставятся ближайшія опредѣленія числа—*четыре* и *шесть* (Иса. 6, 2; Іезек. 1, 6; 10, 21). Такимъ образомъ, это—совершенно антинаучное изображеніе ковчега, подрывающее вѣру и въ научность книги“.

О. Г. „Не претендуя на опредѣленіе степени научности труда, мои эпитафны само собою—не отвѣчаютъ и за несовершенство эмблемы, помѣщенной мною для смягченія сухого вида диссертациі. Могутъ ли что-нибудь говорить о степени научности книги несовершенства типографскаго клише?“

М. Д. М. „Въ своей книгѣ Вы много говорите о свидѣтельствѣ Іосифа о Христѣ,—большую половину рѣчи Вы посвятили тому же предмету (кстати—неточно, невѣрно и невразумительно Вы переводите: „и какъ (?) его Пилатъ осудилъ, *последователи* (?) его не *успокоились* (?)). Вы примыкаете къ тѣмъ, кто думаютъ, что у Іосифа ни слова не было сказано о Христѣ. Но Вами не приняты во вниманіе новѣйшія данныя для сужденія объ этомъ:

а) цитация свидѣтельства Іосифа въ апокрифѣ, изданномъ Братке, гдѣ оно имѣетъ совершенно іудейскій характеръ и состоитъ изъ слѣдующихъ только словъ: „вашъ историкъ Іосифъ говоритъ о Христѣ, (какъ о) мужѣ праведномъ и добромъ, засвидѣтельствованномъ отъ Божественной благодати знаменіями и чудесами благодѣявшемъ многихъ“.

б) Данныя папирологіи о максимальныхъ размѣрахъ папирусныхъ свитковъ и показаніе Іосифа, что въ 20 книгахъ его Археологіи содержится 60,000 стиховъ. Основываясь на этомъ, кажется, можно бы *попытаться* опредѣлить всѣ пропуски и прибавки къ Археологіи Іосифа и дать точный отвѣтъ на вопросъ о подлинности его свидѣтельства о Христѣ 1)“.

О. І. „Относительно указываемой Вами цитаты „свидѣтельства“ изъ Іосифа въ апокрифѣ, изд. Братке, достаточно замѣтить, что она нисколько не колеблетъ моей мысли о сомнительной подлинности Іосифовскаго свидѣтельства *въ его настоящемъ видѣ*. Къ тому же, апокрифъ Братке, по Вашимъ словамъ, относится далеко не къ столь древнему времени, какъ другія свидѣтельства и доказательства приводимыя мною. Почему знать, откуда беретъ апокрифъ свое свидѣтельство?—можетъ быть, и съ несомнѣнностію—изъ интерполированнаго христіанами мѣста. Укажите мнѣ подобное свидѣтельство ранѣе время Евсевія, тогда дѣло другое! Подобнымъ образомъ и всѣ ариѳметическія выкладки здѣсь ни въ чемъ не убѣждаютъ. 2) Что могутъ доказать онѣ? То лишь, что на мѣстѣ нынѣшняго свидѣтельства Іосифа *было что-то*, и только, ничего болѣе! Никакого *точного* отвѣта—какъ Вы говорите—на вопросъ о *подлинности* свидѣтельства Флавія о Христѣ (тѣмъ болѣе въ настоящемъ его видѣ) онѣ не даютъ.

Вообще, въ вопросѣ объ этомъ свидѣтельствѣ Іосифа, надо замѣтить, я держусь крайней осторожности, и пожалуй скажу даже, неопредѣленности, вполне оправдываемой существомъ самаго дѣла. Сомнѣваясь положительно въ подлинности Іосифова свидѣтельства въ настоящемъ его видѣ, я не рѣшаюсь утверждать ни того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *чистымъ* подлогомъ, ни того, что здѣсь надо предполагать

1) См. объ этомъ статью въ сентябрьской книжкѣ журнала: „критикъ свидѣтельства Іосифа Флавія о Христѣ“.

2) См. тамъ же.

интерполяцію. Вотъ почему я привожу всѣ доводы и тѣхъ и другихъ и третьихъ изслѣдователей, представляя дѣло, какъ оно есть, и отдавая должное всему основательному въ каждомъ изъ мнѣній, права коихъ на истину, повторяю, неустраивимы до тѣхъ поръ, пока не заговорить какой-нибудь новый камень или папирусъ!“

М. Д. М. „Ваша книга обилуетъ цитатами изъ обширной и мало доступной іудейско-раввинской литературы. Цитаты эти не всегда полны и точны. Вы брали ихъ, конечно, изъ вторыхъ рукъ. Но за нерѣдкимъ отсутствіемъ указаній на источники, откуда Вы ихъ позаимствуете, становится рѣшительно невозможнымъ отыскиваніе и провѣрка этихъ неточностей. Это—очень досадно. Въ слѣдующемъ изданіи Вамъ надо или самому провѣрить всѣ ихъ, или же вездѣ точно указать ихъ источники (ср. 48, 3—4; 49; 74, 2; 75, 2—3; 76, 1; 78, 2; 95^с 1; 102, 6; 120, 1 др.).“

О. І. „Принимаю къ свѣдѣнію, повторивъ въ свое извиненіе разъясненіе на прежде сдѣланныя возраженія“.
